

ЧЕЛОВЕК

Иллюстрированный
научно-популярный журнал

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 1990 году
академиком И.Т. Фроловым

№ 6 (ноябрь — декабрь)

Учредитель:
Российская академия наук,
Президиум

“Наука”

СОДЕР

Человекознание: история, теория, метод

Гуманистическая футурология:
Дж. Нэбитт и И.Т. Фролов **5**
М.И. Фролова

На пути к Homo socialis:
информационное брокерство и социальная инженерия **22**
Д.С. Андреюк, Е.Б. Махиянова

Перспективы гуманизма

Биотехнологическое моральное
улучшение человека **33**
Р.Р. Беляетдинов

Мера всех наук

Музыка и пластика. Константы, смыслы, чувства **39**
И.И. Ашмарин

Университет человека

О паратаксисе и гипотаксисе:
структурная контрастность ранней и поздней культуры **45**
А.В. Шипилов

Откуда и куда

Каббала в эпоху постмодерна:
традиции и новаторство **54**
В.М. Хачатурян

Анатомия философии. Реплики

Нужна ли сегодня философия истории? **69**

Открывает ли философия новое? **85**

ЖАНИЕ

О временах, о нравах

- 114** О формах и содержании нравственных предписаний
в католической назидательной литературе
раннего Нового времени
М.А. Корзо

Гуманитарная экспертиза

- 130** О спорт, ты?..
А.А. Воронин

Судьба

- 139** Неакадемическая педагогика А.В. Чаянова
А.М. Никулин

Из фондов культуры

- 158** Ахматова и Сенека
С.А. Шульц

Гуманитарная хроника

- 171** Человек в мире нейротехнологий:
социальные и этические проблемы
Е.Г. Гребенщикова, П.Д. Тищенко

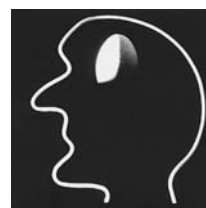
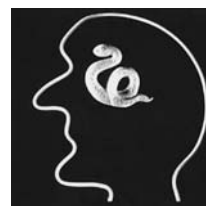
- 177** Анатолий Васильевич Дмитриев

- 178** Указатель статей, опубликованных в 2018 году

- 181** Аннотации и ключевые слова публикуемых статей

- 190** Содержание на английском языке

- 192** К сведению авторов

**ГУМАНИТАРНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА**

**Воронин
Андрей
Алексеевич** —
доктор философ-
ских наук, ведущий
научный сотрудник
Института филосо-
фии РАН. Постоян-
ный автор журнала.
Электронная почта:
andvoronin@
rambler.ru

О, СПОРТ, ТЫ — ?

© 2018

DOI:

А.А. Воронин

Почему важно отличать спорт высоких достижений (он же — профессиональный спорт) от физической культуры?

Физкультура — институционально неорганизованная, соци- ально диффузная деятельность людей, направленная, на улуч- шение здоровья, самочувствия — телесного и душевного. Цели ее — удовольствие, радость, красота, общение, тонус — интро- вертированные, бескорыстные, неагрессивные.

В отличие от нее спорт — институционализированная фор- ма деятельности, направленная на выявление пределов возмож- ностей человеческого организма в каком-либо высокоспециа- лизированном виде движения. Его цели экстравертированные. Они ориентированы на достижение, соперничество, самоут- верждение, победу, небескорыстное превосходство. Спорт как социальный институт — это огромный комплекс, обслуживаю- щий “лабораторию по подготовке, мобилизации и проверке экстремальных ресурсов человеческого организма”. В комплекс входят:

- внешние материальные условия осуществления этой дея- тельности;
- учебно-тренировочный комплекс, включающий науки, особые школы, интернаты, ВУЗы и проч., ориентированный на подготовку спортсменов;
- социальные организации (финансирующие, мотивирую- щие, управляющие, тренирующие и проч.);
- болельщики, небескорыстно создаваемые СМИ;
- резервная армия “подопытных” индивидов, стремящихся в большой спорт.

Пружиной, двигателем этого комплекса служит особый тип сознания, идеологии, автономной по отношению ко многим другим типам и часто беззастенчиво и открыто противополож- ной мифологии духовной жизни. Задача этой идеологии двоя- кая — законспирировать подлинную функцию спорта и навяз- зать фиктивное обоснование этой сфере “экспериментирова-

ния”. Спорт высших достижений предстает в нем как способ “улучшения человека” — по крайней мере его телесных способностей. Но не только.

* * *

Больше полумиллиона лет организм человека работал в режиме предельных физических нагрузок, неспециализированных по видам движений, — это было условием выживания рода. Последние десять тысяч лет человеческий организм испытывает воздействие разделения труда в обществе. “Вторая природа” избавила человека от дискомфортного перенапряжения. Около 100 последних лет человек управляет машинами, которые взяли на себя энергоемкие работы, и всего 20–30 лет назад человек встал (или сел) возле этих машин и не пользуется своими мышцами в хозяйственной деятельности. Если верить специалистам, что антропогенез завершился еще на заре человечества, иными словами человек принципиально не меняется, то у нас на глазах произошла кардинальная ломка естественно-природной ниши человека, замена ее принципиально иными условиями режима работы организма. Именно дефицит двигательной активности в массовом масштабе привел к развитию специализированной компенсаторной сферы социально организованной деятельности. Наука породила электричество, электричество — индустрию, индустрия — спорт. С возникновением этой сферы начинается ее осмысление, создание ее идеологии. Олимпийские игры, гимназии, воинские упражнения, древние виды борьбы и обретения физического совершенства на Востоке — все это обрастает своей мифологией. Но до тех пор, пока конкретная природа двигательной активности, связанная с утилитарными общественными функциями (энергоемкие производства, здоровье, война, поддержание порядка в поселениях и т.д.) была полем совершенствования и упражнения, не возникало никакой потребности в абсолютных шкалах измерения. Атлет, силач, красавец, богатырь, в крайнем случае — победитель — вот категории совершенства до спортивной эпохи, которую можно охарактеризовать как эпоху культивирования гармонического развития всей совокупности двигательных функций человеческого организма.

* * *

Спорт — феномен обособления и культивирования абстрактного проявления способностей человеческого организма. На смену героям локальных социумов (этносов, полисов или эпосов — безразлично), не нуждавшихся в секундомерах и весах, пришли чемпионы абстрактных шкал — метров, секунд, килограммов. Очное состязание с соперником уступает место сопоставлению запротоколированных достижений конкурентов

А. Воронин
О спорт, ты?..

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

в данном виде движения. Изолированный абстрактный вид движения получает такую специализацию, что оставляет далеко позади и все попытки неспециализированной конкуренции, и согласованное развитие двигательных функций одного и того же организма. Вместе с абстрагированием все новых и новых видов движений в спортивные дисциплины возникает институт рекорда, высшего достижения, демонстрирующего пик возможного, предельного усилия. Смена рекордов и их последующее массовое перекрытие — это “прагматический выход” лаборатории по имени спорт, утилизация обществом ее продукции. Спортсмен мотивирован теперь не гармонией тела, а специализацией какого-то определенного вида движения. Идеология спорта — это идеология рекорда, превращение фиктивной цели в мотивацию, абстракции — в жизненный императив, человеческого жертвоприношения — в добродетель. Спорт якобы помогает выплеснуть и на индивидуальном, и на социальном уровнях агрессивные инстинкты, а стадионы — социально приемлемая альтернатива танкам... Абстрагирование двигательных функций, их специализация и культивирование доходят до дезинтеграции функций человеческого организма в целом (бодибилдинг с травмами тканей, женщины — боксерши и тяжелоатлетки, сверхнагрузки детей, летальные исходы не только на соревнованиях, но и на тренировках). Идеология же так упаковывает спорт, что он становится привлекательным, престижным. Риск, связанный с ним, рисуется как желательное испытание, победитель (чемпион, рекордсмен) — как великий человек (а не как великий частичный человек).

* * *

Совершенно иная картина складывается в физической культуре. Мотивация здесь не навязывается, а возникает спонтанно. Ее ценности — это самооценности, и основной пафос физкультуры — разъяснительный. Просто нужно продемонстрировать, довести до сведения и сделать понятным нечто очевидное само собой, но “замутненное” привходящими обстоятельствами. Задача эта, кстати, нетривиальная. Физкультурник в обывательском восприятии — гораздо более чужак, чем спортсмен. Первый бежит в свои 70 лет голышом по снегу, а второй уважаем и шикарно живет вокруг своего кулака или толчка штанги. В физкультуре принципиально несравнимы достижения человека: они, как и в других областях культуры, могут ближе или дальше отстоять от идеала, от шедевра, но они не расположены в абстрактном, одномерном континууме какого-то одного вида движения. (Кстати, это напряженное противоречие ищет выхода в “синтетических” видах спорта — гимнастике, фигурном катании, десятиборье. О них — особый разговор.) Красота, богатство, универсализм, неотразимость — все определения культурного феномена участвуют в выработке иде-

ологии физкультуры, а отнюдь не только здоровье, сила, выносливость. Мотивационный пафос физкультуры — это идеология конкретной гармонии физического и духовного в данном индивиду. Здесь улыбка важнее секунд или веса, конечной целью выступает радость, а тот, кто рядом — не конкурент, а партнер. По существу своему эта идеология — ренессансная, или просветительская, или романтически социалистическая. Она полемизирует с расколотостью человеческого существа на абстрактно-антагонистические противоположности — какими бы они ни были. Она стремится вернуть человека в Эдем неотчужденного бытия.

* * *

Возможна ли гуманизация спорта? Можно ли сохранить красоту спорта и избавиться от его жестокости? Можно ли руководствоваться более мягкой мотивацией, чем в спорте высших достижений, для раскрытия предельного потенциала тела человека? Чтобы приземлить эти вопросы, посмотрим, как формируется идеология спорта. Классический тип спортсмена складывается в ситуации, когда “законы товарного производства” распространяются на все его компоненты: для спортсмена товаром является его умение, для тренера — сам спортсмен, для клуба — спортсмен с тренером вместе, для болельщиков — клуб, тренеры и спортсмены, для тузов индустрии спорта — публика. Человек, жертвующий любознательности общества какую-то функцию своих мышечных сил, специализируется на ее совершенствовании непосредственно и полностью. Это его профессия, и он — профессионал. Предметом и результатом его профессиональной деятельности служит та или иная группа мышц, определенный навык движения, специфическая ловкость... — доведенные до совершенства. Отчуждая свою двигательную функцию, превращая ее по сути дела в препарат, он использует в опытах над ним науку, приборы, экспертов, превращает свой рекорд в труд, подчиненный досугу других... Везде, где возникает рекорд, возникает и профессионал, любительской может быть только физкультура. Формой организации всей предметной среды вокруг экспериментальной группы мышц (навыка, ловкости) стал клуб — организация, отвечающая за чистоту эксперимента. На фасаде клуба — звезды спорта, им управляют боссы спорта, его финансируют меценаты и акционеры (даже не делая вид, что поступают бескорыстно), клуб порождает публику спорта, замыкая тем самым свою деятельность на зрелищности (и на доходах от нее). Звезда, заключив контракт с клубом, становится его служащим. А значит — по контракту — патриотом клуба. Исчерпав контракт с этим клубом, спортсмен не обязан менять профессию, он не может отказаться от своего основного качества, но просто будет патриотом нового хозяина, по правилам игры. Но основной патриотизм при-

А. Воронин
О спорт, ты?..

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

надлежит все же его уникальности, и он сильнее национальных и политических привязанностей.

В этой среде “естественно” вызревает идеологема, которая переворачивает значение всех своих основных компонентов: общественная работа руки или ноги вновь превращается в дело индивида, экспериментальный индивид превращается в героя, в супермена, клуб — в символ успешности, в ядро идентификации, в персонифицированное воплощение доблести звезд, публика — в активного участника событий на спортивной арене и т.д. Надо ли говорить, что “естественность” такой идеологии — предмет особых усилий масс-медиа, находящихся в спорте полный набор драматически аранжированных мифов?

Сдавая клубу в аренду свои физические способности, спортсмен отнюдь не обязан делать вид, что он бескорыстен. Он вправе извлечь из нее максимум прибыли, как и любой другой предприниматель из своего дела. И клуб организует сбыт этого уникального товара. Совершенно естественно, что наиболее отчетливые формы клубной организации сложились в тех видах спорта, которые приносят наибольший доход: в игровых и единоборствах, а также “национальных” видах. Причем наиболее зрелищные (футбол, хоккей) организованы как марафоны длиной чуть не в год. Игровые виды имеют по видимости другую природу, чем рекордизм: в них основными кажутся коллективизм и зрелищность. Но и здесь есть глубоко присущая всякому спорту экспликация пороговых возможностей, но уже не организма отдельного человека, а ансамбля людей, их коллективного усилия, навыка, воли и т.д. Зрелищность игровых видов — это новая системообразующая сила спорта, возникающая в недрах массового общества.

* * *

Интеграция публики вокруг спортивного зрелища — это мощный генератор “мы-сознания”, это уплотнение мифа общности — национальной, городской, клубной — неважно какой. В результате возникает ощущение анонимной принадлежности, безусловной и безоглядной идентификации публики с результатом, с рекордом, с героем. “Мы” были вместе не потому, что совместно решали, как нам жить и что делать, а потому что “показали этим чехам (или этим канадцам), как надо играть в хоккей”. Слово “наше” внутренне гомогенно. Внутри него нет особых дифференциаций и напряжений. Производство “мы-сознания” — необходимый компонент индустрии спорта.

* * *

В России в этом плане произошли очень большие изменения. При социализме спорт финансировался, управлялся и вдохновлялся государством, место клубов занимали спортивные об-

щества. С ними спортсмен не заключал контрактов, он не считался профессионалом. “Клуб”, с которым он себя идентифицировал, — это советский спорт, спортивная честь страны, а спортивные общества — это просто филиалы клуба. Спортсмены, которые реально приближались к рекордным результатам, организационно принадлежали высшему филиалу — сборной команде страны. Они посвящали своему занятию все время и подчиняли ему все ресурсы, получая за это содержание и льготы. Но статус их был двойственным. Будучи профессионалами по существу, они “считались” любителями, что вело к определенным сдвигам, деструкции их внутренней мотивации, с одной стороны, и к мистификации восприятия спорта общественным мнением — с другой. Основная идеологема советского спортсмена — не высшее достижение само по себе, как раскрытие возможности человека, а высшее достижение как подтверждение высшего достоинства советского спорта. Поэтому наши хоккеисты и не могли поиграть пару сезонов в Канаде — этим они подорвали бы славу Отечества, принизили бы спортивный подвиг, бескорыстно творимый всеми советскими спортсменами под гордыми знаменами своих обществ. Агрессивность “клуба”, представленного Спорткомитетом, ничуть не уступала агрессивности какой-нибудь команды, яростно сражавшейся за первые места, и в ход шли все мыслимые и немыслимые уловки, которые лишь изредка становились поводами для шумных скандалов в прессе. Поскольку “клуб” — один, у него не было другого выхода, как всегда быть первым. Поскольку он — государственный, его естественным конкурентом являлись организации, выступавшие от имени других государств, а сам спорт превращался в политическое дело. Репутация спортсмена — уже не его частное дело, не забота клуба, а забота государства, доказывавшего свое политическое превосходство. Несомненно, что такая мотивация гораздо более энергичная и героическая. Она способна привести к победе и над более сильным, но менее отмобилизованным соперником. Но для воспитания такой мотивации нужен был институт опеки над сознанием спортсмена. За фасадом этой идеологии, точнее говоря, под глянцем ее упаковки был чудовищный и болезненный конфликт базового, живого человеческого сознания и корпоративно-групповых предписаний.

* * *

Идеология спорта была органично вписана в коммунистическую модель устройства всего общества. Тренерский штаб, спорткомитеты, спортивные общества — вся бюрократическая надстройка над спортом — брала на себя ответственность за весь процесс подготовки выступлений спортсменов. Тем самым она снимала эту ответственность со спортсменов, с каждого из них. Великие спортсмены при социализме — футболисты, хок-

А. Воронин
О спорт, ты?..

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

кеисты, волейболисты — жили под неусыпным контролем харизматических тренеров. И если все принимали допинг, то отказаться кому-то одному было невозможно — ведь начальство берет на себя и вину, и “отмазку”, и вообще лучше знает, что делать спортсмену. Поэтому “нашим” было поначалу очень тяжело. “У них” — никто не ограничивает, ничто не запрещено, каждый сам отвечает за свою готовность, то есть за свое состояние. И последний допинговый скандал — не в том, что прокрались предатели и все рассказали, то есть выдали государственные секреты врагу. Он в том, что государство “кинуло” спортсменов, вынудив их жульничать, пообещав “крышу”, а потом позорно спряталось в кусты, сваливая свою ответственность на второстепенные обстоятельства.

Стремление искусственно гуманизировать спорт, представить его чем-то другим, не тем, чем он является на самом деле, сталкивалось со спонтанным протестом реальной мотивации против фальши псевдогуманизма. Двойственность, противоречивость сознания облегчала адаптацию к подвижной ценностной среде, но она все же разжижала твердую субстанцию воли, так необходимую в спорте. И когда эта двойственность лопнула, когда институциональные и мотивационные опоры спорта кардинально изменились (или еще меняются, процесс этот не одномоментный), перестало быть таким безусловным и “мы-сознание”. Слова “наше”, “наши” стали настолько расплывчатыми, что скрывают теперь не только государственную и географическую путаницу, но и кое-что пострашнее — грязь, продажность и преступность в “нашей” спортивной среде. По отношению к ней не возникает больше былой безоговорочной идентификации, за пологом мифологемы советского спорта оказалась привычная и до боли знакомая дихотомия “мы и они”.

Институт рекорда в спорте — это просто общезначимый протокол наблюдения за наивысшим достижением. Конечно, это интересно само по себе, но не очень. И далеко не всем. Чтобы получилось поинтереснее, сюда подливается крепкий бульон “спортивной идеологии”. Главное в ней — “мы пахали”, превращение дела индивида в дело нации. Болельщики — не случайно от слова “болезнь” — это хорошо унавоженная почва для класса околоспортивных сорняков, превративших спорт в свой доходный бизнес.

* * *

Олимпиады теперь — соревнования в шовинизме — “мы их сделали”, “мы победили”, “гады судьи нас прессуют”, “Россия вперед” — и со всех сторон то же самое — “Канада вперед”, “Италия...”, “Франция...” Всенародные гулянья с мордобоем и погромами, банды фанатов с одной извилиной в голове, общенациональный траур тоже с мордобоем и погромами — это

все из-за того, что мячик или шайба закатились не сюда, а вон туда. Вместо торжества олимпизма — торжество шовинизма. Комментарии по ТВ — это уроки национализма. Самых Игр, самих спортсменов даже не видно, — слышны лишь истошные вопли “наши им дали!!!” или сокрушенное “сегодня не наш день”. Чей “наш”? Мы что, вложили что-нибудь в спорт, кроме своего будничного равнодушия? Мы что, не видим деградации физической культуры нации? Разве не ясно, что спорт высших достижений — сама по себе вещь сомнительная, поскольку превращает человека в испытуемого кролика — возможен только в условиях повсеместной и подлинной телесной культуры, то есть на базе массового развития физической культуры в стране? И наконец — что идеология спорта — это симулякр, просто кормушка для циничных околоспортивных деятелей? Это она плодит фанклубы, она заставляет наших мочить “ихних”, а “ихних” мочить наших. Она питает ложную идентичность страны с кулаком боксера или с ногой футболиста. Не случайно уже слышны голоса, что на Олимпийских играх спортсмены должны выступать не от стран. Не должно быть на Олимпиадах национальных флагов. Так олимпиады смогут вернуть себе свое изначальное предназначение — объединять людей, а не ссорить и сталкивать. И гордиться мы будем не тем, что “мы им сделали козью морду”, а тем, что есть прекрасные спортсмены, которыми нельзя не любоваться, не восхищаться — и так хочется на них равняться.

Олимпиада высветила один очень глубокий ценностный конфликт. Если очень огрублять и упрощать, то между Западом и Россией. Почему так накалена обстановка на самих играх, почему градус допингового скандала стал столь высок? Потому что затронуты самые важные представления о достоинстве и порядочности человека, и эти представления, оказывается, коренным образом расходятся “у нас” и “у них”. Западная цивилизация основана на представлении о достоинстве, порядочности каждого конкретного человека, о его репутации. Репутация — это безукоризненная биография, открытая ближним, прозрачная для оценок ближними, но замкнутая на свое собственное достоинство, свободу и ответственность. Больше того, репутация далеко не только личное дело: это одна из самых важных экономических категорий. Это качество может принадлежать семейному роду, поселению, корпорации, — да любому сообществу, в принципе. Например, спортсмену, олимпийцу. Возможно, это атавизм рыцарского кодекса чести, возможно — наивно воспринятые религиозные максимы. Но предел положен твердо — вот это можно, а вот это я делать не буду ни при каких обстоятельствах. Конечно, это идеал, не всегда совпадающий с жизнью.

Запад долго и бесполезно предлагал “нам” свое понимание порядочности. Не вышло: и в царской России, когда формировался свод российского имперского мышления, и после — в мо-

А. Воронин
О спорт, ты?..

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

лодой Советской республике, достоинство определялось скорее подчинением начальству, лояльностью власти. Ценности независимости, свободы, ответственности не излучаются человеком изнутри вовне, а скорее так: их угодливая интерпретация навязывается человеку извне. Основная работа “невидимой руки” власти как раз в этом. Вот механизм и сработал. Совершенно искренне, с чувством исполненного долга, принося в жертву ради победы любой ценой, раз приказано, все, что только можно и чего нельзя — люди идут на обман, на жульничество, на организованную в гигантских масштабах ложь. И не испытывают никакого дискомфорта, пока не зажегся свет, пока все не стало очень видно, и пока людям прямо в лицо не сказали — вы недостойные люди, ваша репутация уничтожена, вам не место среди порядочных людей. Как? За что? Флаги, знамена, гимны, гербы? Родина? Отечество? Нас обидели! Да мы же ничего плохого! — кроме хорошего, не думали, не делали, у нас все так!

Конечно, ценностный конфликт никогда не вписан в национальные, профессиональные, корпоративные и прочие рамки. В абстракции — да, в жизни — нет. Но в жизни столкновение ценностей очень болезненно, а в абстракции — совсем нет. Абстракции проживают в мышлении, а жизнь полна эмоций. Как жаль, что наша жизнь в плену эмоций, очень далеких от мышления, от абстракций, от адекватного представления о порядочности, достоинстве и репутации.

* * *

Что же касается физической культуры, то она рождается из целостного рекреативного отношения к своему организму. Это воспроизводство телесной гармонии, утерянной спортом и не обретенной обычной двигательной пассивностью. Такая задача в принципе не может быть поставлена перед профессионалом, ведь профессия — это аналитическая категория человеческой деятельности. Подлинно гуманистический пафос физической культуры связан с ее любительством. И в этом ее демократизм и полнота. Правда, мы видим сегодня, что фитнес-центры, спортивные курорты, экстремальные виды спорта и т.д. заполняют разрыв между спортом и физкультурой, предлагая своего рода компромисс между рекордоманией и хобби. Однако вряд ли можно представить себе ситуацию отмирания большого спорта, профессионального по своему существу, поскольку риск человеческого любопытства всегда оказывался привлекательнее сдержанности человеческой гармонии.

НЕАКАДЕМИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА А.В. ЧАЯНОВА

© 2018

DOI:

А.М. Никулин

Организатор науки и образования, литератор и искусствовед

Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) был не только выдающимся ученым — аграрником-экономистом, социальным мыслителем-энциклопедистом, но и автором оригинальной и законченной педагогической теории, воплотившейся в реальных педагогических опытах, экспериментах. Если аграрно-научное наследие Чаянова, вновь открытое после десятилетий забвения, репрессий, сейчас достаточно хорошо известно в России и за рубежом, то его педагогические труды и идеи еще остаются позабытыми. Например, в только что вышедшем в свет фундаментальном исследовании, посвященном становлению аграрно-экономических наук и образования в России, его автор — И.А. Кузнецов обрывает свое повествование на самом интересном месте. Обосновав появление школы Чаянова из исторической эволюции российской аграрно-экономической науки, И.А. Кузнецов, по-видимому, оставляет исследование собственноручно научно-педагогического наследия Чаянова и его коллег для своей последующей монографии [4].

Чаянов стремительно сделал блестящую академическую карьеру. С отличием закончив Петровский сельскохозяйственный институт (нынешнюю сельскохозяйственную академию — «Тимирязевку»), он был отправлен в годичную научную стажировку по сельскохозяйственным университетам и институтам Германии, Франции, Бельгии и Италии [5]. Вернувшись обратно в Петровку, Чаянов к 27 годам становится ее профессором, к тому времени написав два десятка научных работ и сформулировав общие принципы своей теории крестьянского хозяйства, во многом определившей судьбу исканий аграрного развития России и мира в XX веке. Занимаясь полевыми бюджетными обследованиями крестьянских хозяйств в разных регионах России, умудряясь еще и много времени уделять преподаванию не

СУДЬБА

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. Постоянный автор журнала. Электронная почта: [nikulin@ranepa.ru](mailto:nikulina@ranepa.ru)

139

СУДЬБА

только в стенах своей родной Петровки [11], но также в народном университете им. Шанявского [9]. Читая специальные лекции по сельскохозяйственной кооперации на различных крестьянских курсах [7], Чайанов проявил себя чрезвычайно талантливым лектором-педагогом.

В революционном 1917 году Чайанов, по своим политическим воззрениям умеренный социалист-народник, является одним из активных участников Всероссийской Лиги аграрных реформ, планировавшей рациональное распределение земли в революционной России, а за две недели до большевистского переворота Чайанов становится даже товарищем (заместителем) министра земледелия во Временном правительстве.

Изначально Чайанов отрицательно отнесся к большевистскому перевороту. Но уже с 1918 года он становится активным участником развития сельскохозяйственных науки и образования в новой революционной России. Чайанов и его коллеги профессора по так называемой организационно-производственной школе сельского хозяйства (которая также именуется и школой Чайанова, в честь ее яркого лидера) занимают ведущие кафедры сельскохозяйственных аграрно-экономических наук не только в Тимирязевской сельскохозяйственной академии (А.В. Чайанов, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров), но также в университетах Саратова (А.А. Рыбников), Самары (Г.С. Студенский), Воронежа (А.Н. Минин). Ими подготовлены сотни агрономов-экономистов, десятки ученых-аспирантов, плодотворно развивавших советскую аграрную экономику и науку 1920-х годов. В это же время Чайанов становится директором Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики — ведущего научного центра мирового уровня, поддерживавшего широкие научные связи с научными аграрными учреждениями не только Европы и США, но даже Латинской Америки, Южной Африки и Японии [5]. Работы Чайанова переводят и издают в Германии, Франции, США.

В это же время в дополнении и развитие своей теории крестьянского хозяйства, Чайанов публикует монографии, в которых обосновываются теории вертикальной сельскохозяйственной кооперации, оптимумов размеров и размещения сельскохозяйственных предприятий, общественной агрономии [13]. И, конечно, Чайанов является одним из ведущих аграрных экспертов в советском правительстве, принимающим непосредственное участие в работе таких влиятельных советских учреждений как Госплан, Наркомзем, ЦСУ. Кроме того, у Чайанова еще хватало времени писать художественные произведения. Он создал замечательное утопическое сочинение “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”, где в форме ироничной фантастической сказки показал, как из Москвы 1984(!) года видятся разнообразные альтернативы село-городского развития XX века. Он написал несколько волшебнo-фантастических повестей [14], стилизованных под прозу Э.Т. Гофмана

и В.Ф. Одоевского, которые, между прочим, понравились Михаилу Булгакову, оказав определенное влияние на формирование замысла его романа “Мастер и Маргарита”.

А еще Чайнов был историк и искусствовед [16]. Его перу принадлежат сочинения по истории Москвы и старинной западноевропейской гравюре, также в свое время высоко оцененные профессионалами.

Чаянову в своем научном, педагогическом, художественном творчестве удавалось гениальным образом объединять математический расчет и гуманистическую фантазию в изящные модели познания, удивительно глубоко и продуктивно вбиравшие в себя многообразную окружающую действительность.

С наступлением коллективизации Чайнов и его коллеги были подвергнуты репрессиям как идеологи отсталого и мелкобуржуазного класса крестьянства. В 1930-м году в ходе массовых арестов свыше тысячи человек представителей сельскохозяйственной интеллигенции – ученых и практиков аграрников – были арестованы и объявлены членами мифической антисоветской Трудовой крестьянской партии (ТКП), якобы планировавшей свержение советского строя. Чайнов был объявлен главным идейным вдохновителем и организатором ТКП. Его заключили в тюрьму на несколько лет, потом отправили в политическую ссылку в Алма-Ату, там Чайнов был расстрелян в 1937 году.

Чаянов как педагог: между интеллигенцией и народом

В недолгой жизни Чайнова примерно четверть века выпадает на педагогическую деятельность. Начиная с кружка общественной агрономии, который он возглавлял еще будучи студентом, до преподавания статистики в Алма-Атинском сельскохозяйственном институте во время политической ссылки. Невозможно учесть сколько курсов, лекций, семинаров, бесед провел Чайнов не только в стенах академий и университетов, но и на разнообразных народных собраниях, прежде всего крестьянских.

Как и подобает профессиональному лектору, Чайнов творчески осваивал педагогическое дело. Многие опубликованные

Портрет
А.В. Чайнова
(1888–1937)

СУДЬБА

научные работы отличаются, прежде всего, педагогической ясностью и иллюстративностью учебного пособия, достаточно упомянуть такие знаменитые труды, как “Краткий курс кооперации”, “Основные идеи и методы работы общественной агрономии”, “Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации”, успевшие выдержать несколько изданий в 1920-е годы. Но, кроме этого, перу Чаянова принадлежит также ряд специальных работ, посвященных исследованию проблем преподавания [8; 11; 15]. Исследование этих работ убеждает нас, что Чаянов был в совершенстве знаком с современной ему теорией и практикой педагогической науки, неоднократно, ссылаясь, например, на работы ведущего российского психолога и педагога П.П. Блонского [1], а также имел собственные изыскания в области педагогики.

Хочется прежде всего выделить два важнейших вопроса, связанных с деятельностью Чаянова как педагога. Во-первых, что представляли собой педагогические принципы и воззрения Чаянова; во-вторых, как соотносятся данные принципы с общей теорией организационно-производственной школы Чаянова.

Логический (субъективный) дуализм педагогического творчества Чаянова вполне соотносится с историческим (объективным) дуализмом культуры и образования России начала XX века. Последний был связан с разрывом между культурой образованных классов и народной культурой. Чаянов был педагогом и на том, и на другом берегу, он, как настоящий подвижник, сокращал расстояние и наводил мосты между сознанием и образованием народа и интеллигенции.

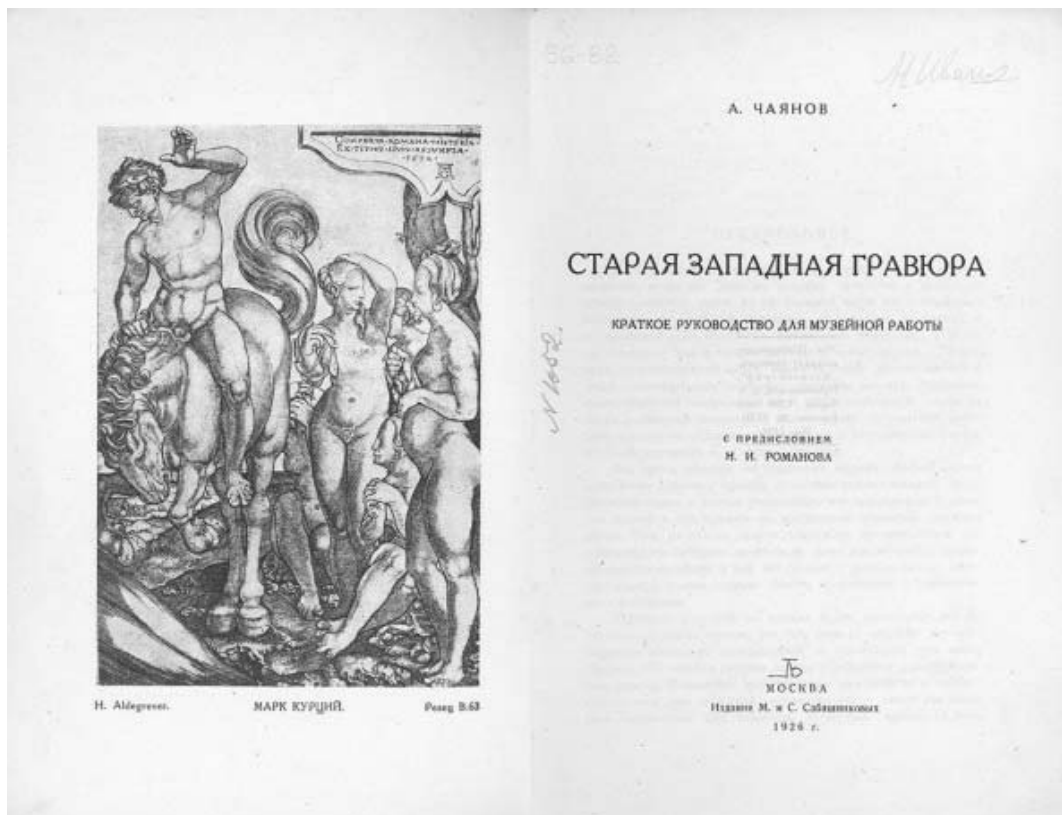
Рассмотрим важнейшие вехи, шаги сложного, нелинейного, логически выверенного и одновременно метафорически иллюстративного движения педагогической мысли и практики Чаянова от аудиторий студентов высшей школы к собраниям крестьян сельскохозяйственных курсов.

Храм Прометеева огня

В размышлениях о задачах высшей школы, высшего образования Чаянов постоянно в эмоциональной оценке обращался к мифологическому образу Прометеева огня. “...Питомцы уходят в жизнь... тая в себе тот Прометеев огонь, который неугасимо пылает в храме науки... Какие же искры Прометеева огня дольше всего не угасают и согревают наших питомцев в жизни?.. В первые годы в душе слушателя должен быть зажжен Прометеев огонь жажды знания...” [15, с. 367].

Для Чаянова метафора Прометеева огня означала, прежде всего, творчество мудрого мастера, выдающегося мыслителя, ученого. Из чего и как возникает костер прометеева творчества? В ответе на этот вопрос Чаянов прост и реалистичен: во-первых, это самообразование учащегося; во-вторых, это культура его окружающая:

“1) Всякое высшее образование есть и может быть только самообразованием в котором наряду с книгами и другими пособиями может существовать и высшая школа как одно из наиболее крупных пособий.

2) Пребывание человека в высшей школе является неповторимым периодом его жизни, во время которого раз навсегда формируются многие черты его характера и мирозерцания.

Главнейшее, что дает высшая школа, — это особая, ей одной присущая культура.

Питомец высшей школы среди обывателей подобен магометанину, побывавшему в Мекке, среди других магометан. Его кругозор широк, он лучше видит, он быстрее и шире мыслит” [там же, с. 368].

Естественной средой для неугасимого огня пророческих знаний, по Чайнову, является культура в самом широком смысле этого слова: «... Академическая республика, прежде всего, приводит нашего студента в соприкосновение с огромным числом самых разнообразных людей, соприкасающихся не на основе профессий, а во имя знания... академическая толпа связана тысячами нитей со всеми сторонами национальной жизни... Одно длительное пребывание в этой академической толпе — уже неисчислимый источник культуры... толпа эта своим рус-

Книга А.В. Чайнова
“Старая западная
гравюра. Краткое
руководство для
музейной работы”.
М., 1926

Чаяновский
“Краткий курс
кооперации”,
выдержавший
при жизни автора
4 издания

лом жизни заходит в музеи, театры и аудитории... студент наш получает незабываемое ощущение соприкосновения с первоисточником науки, мысли и творческого искусства.

Я утверждаю, что для будущего участкового агронома как такового внимательное посещение Румянцевского музея даст, пожалуй, больше, чем лекция по земледельческой механике.

Монолог Качалова, вдохновенные слова Чупрова, порывистые фразы Фортунатова и “Тимирязева размеренная речь” — куда более мощные искры Прометеева огня, чем наши толстые академические учебники» [там же, с. 369].

Все приведенные рассуждения и цитаты могут создать впечатление, что отношение Чаянова к высшему образованию было в высшей степени импрессионистским и романтическим. Не только. Мы специально выделили понимание Чаяновым творческого начала как процесса импульсивного, беспредельного, всеобъемлющего. Но,

разумеется, профессор Чаянов отлично представлял и значение форм и методов терпеливой, педантичной, обычной заботы ученика и преподавателя. В этой области на основании собственного педагогического опыта он обосновал рациональную и эффективную систему образования, которую сам успешно применял и других ей учил.

Храм науки как школа вертикально интегрированных дисциплин

По Чаянову, как систематическое пособие высшая школа дает: во-первых, ряд понятий правильно анализируемых; во-вторых, круг фактов о той или иной системой классификации; в-третьих, и это главное, — умение ставить вопросы и разрешать их. И на основании всего этого происходит формирование методов изучения и исследования. Высшая школа достигает поставленных целей через организацию следующих элементов системы обучения:

- 1) Лекция, то есть повествование ученого о предметах, им изучаемых.
- 2) Беседы, то есть разговоры ученого со студентами по поводу изучаемых вопросов.

Путеводитель по сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева в Петровско-Разумовском, изданный А.В. Чайновым в 1925 году

Учебное пособие А.В. Чайнова "Организация северного крестьянского хозяйства". Ярославль. 1918

- 3) Протосеминары, то есть разговоры студентов между собою под руководством ученого по поводу изучаемых вопросов.
- 4) Чтение и разбор авторов, то есть ознакомление с приемами мышления выдающихся мыслителей.
- 5) Самостоятельное чтение книг занимающимися, то есть приучение к активному восприятию чужих мыслей.
- 6) Составление компиляций, то есть обучение логически связывать различные системы сведений и мыслей, получаемых из разных источников.
- 7) Практические занятия, то есть ознакомление с методами аналитической работы путем проделывания небольших исследований,
- 8) Самостоятельные исследовательские работы, то есть выполнение научных исследований.
- 9) Семинары, то есть защита собственных работ перед критикой товарищей и руководящего ученого.
- 10) Экскурсии, то есть ознакомление в натуре с изучаемыми предметами в их естественном состоянии.

СУДЬБА

11) Проверочные беседы, то есть установление степени и формы усвоенного студентом.

Выделив достаточное число элементов процесса обучения, Чаянов особо подчеркивал, что ни один из элементов не является абсолютно предпочтительным, ни один из них не может собой заменить другого. Здесь рассуждения Чаянова носят универсальный характер, и замечательное достижение производственной школы — теория вертикальной интеграции производства в сфере экономики — находит себе достойную аналогию и в педагогической сфере. Суть вертикального интегрирования хозяйственного производства, как известно, заключается в отрицании возможности существования заранее и навечно определенной наиболее эффективной формы или системы форм хозяйствования и, наоборот, в утверждении идеи гибкого, изменчивого, но гармоничного объединения в кооперативных формах хозяйственных образований разных размеров для различных отраслей сельского хозяйства. Также отрицая абсолютизацию тех или иных методов и элементов преподавания, Чаянов заключает: "... каждый из них имеет перед собою свои, ему только присуще педагогические задачи, и проблема организации высшей школы состоит не в выборе какого-либо из них, а в гармоничном соединении всех их между собою" [там же, с. 370]. В реальной действительности, предлагал Чаянов, надо соединять в ту или иную систему указанные элементы преподавания, руководствуясь следующими двумя соображениями. Во-первых, что данные методы дают занимающемуся, во-вторых, каковы их значение и осуществимость с точки зрения преподавания.

Оптимизация "храмовых" служб

Чаянов подчеркивал, что как раз значение и осуществимость поставленной педагогической задачи являются главным для организатора преподавания и, к сожалению, это часто забывается и игнорируется за любованием гладкими схемами задуманного педагогического процесса, в конечном счете, так и неосуществимого. Здесь опять напрашиваются аналогии с чаяновским отношением к экономике. К любому социально-экономическому проекту он, прежде всего, прикладывал критическую мерку реальной осуществимости.

Так, считая, что в науке самой совершенной и эффективной формой обучения является "ученичество у мастера, т.е. сотрудничество ученика в собственных работах выдающегося мыслителя и ученого, работа с ним изо дня в день в одной лаборатории, в одном кабинете над разрешением общих проблем" [там же, с. 370]. Чаянов констатировал, что в реальной жизни этот метод "... применяется только в исключительных случаях, так как он *требует исключительной интенсивности* (выделено авт. — А.Н.) в затрате ученых сил на одну учащуюся единицу

и может применяться только в отношении ученика, одаренного искрой Прометеева огня, даром научного творчества, коим обладает из ста человек только один” [там же, с. 371].

В реальности “... при бедности нашей учеными силами” Чайанов предлагает исходить из расчета “на чрезвычайную экономию педагогических сил” [там же]. Интересно, что в данном понятии «чрезвычайной экономии» мы опять можем легко провести аналогию с общей экономической теорией организационно-производственной школы. Вспомним классические чайановские оптимумы: максимальная эффективность хозяйствования крестьянской семьи определяется оптимальным сочетанием труда и потребления трудопотребительского баланса; наилучшая эффективность государственной политики достигается на основе оптимального сочетания между экономической эффективностью и социальной справедливостью. А в области преподавания? — И здесь свой оптимум: “...организуя преподавание, мы должны стремиться, чтобы каждая затрачиваемая ученая сила получала наибольшее использование и давала наибольший социальный эффект” [там же, с. 372]. Что это значит? В реальной исторической ситуации начала XX века, с одной стороны, имеется немного педагогов, из которых совсем немного являются выдающимися мастерами своего дела, хранителями Прометеева огня. С другой стороны, в действительности весьма изрядно количество учеников с различным уровнем образования, культуры, способностей. Соотношение между количеством учителей и учеников даже в Петровской сельскохозяйственной академии составляет примерно один к двумстам (1:200). Именно такую цифру приводит сам Чайанов. В этих условиях “... мы совершенно сознательно предлагаем признать, что использование выдающихся ученых для массовой работы интенсивными методами преподавания — утопия...” [там же]. То есть, все первоклассные ученые просто физически не в состоянии уделить всем учащимся индивидуальное педагогическое внимание.

Иерархии и дисциплины образования

Обратимся к универсальным социальным положениям организационно-производственной школы. Их универсальность заключалась, прежде всего, в примате конкретности ситуации для принятия решения. В большой крестьянской семье, где у взрослых родителей самые старшие дети еще отроки, а остальные вообще малыши, в чем главный резерв существования семейства? — В способности включения подростков в помощь родителям в крестьянском труде и в воспитании младших. Ведь отцу с матерью всего уже не потянуть и за всем не поспеть, уж слишком разрослось хозяйство и прибавилось детей; малыши еще слабосильные и несмышленные, но отрочество и является в такой крестьянской семье источником существенной помощи для

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чайанова

СУДЬБА

старших и младших, для всей семьи. В возрастном и интеллектуальном организме высшей школы Чаянов такие обнаруживает источник рациональной оптимизации процесса передачи и приращения звания, — это организация широкой ассистентуры, или системы тьюторства, то есть студенты-старшекурсники аспиранты, молодые преподаватели через, беседы, семинары, кружки оперативно и достаточно широко вовлекают учеников высшей школы в поток научной деятельности. При этом Чаянов всячески выделял определенную роль высшей школы в воспитании души и интеллекта именно студентов младших курсов, ведь “...подавлявшая масса наших первокурсников не умеет ни логически мыслить, ни следить за чужими мыслями, ни читать книги, ни выражать свои мысли” [там же, с. 373]. Как прорастить семена творчества и мастерства в душах этих людей? Для успешного формирования личности студента Чаянов полагал необходимым на начальных курсах обучения достижение нескольких основных целей.

Во-первых, это просто дать учащимся твердые знания и умения, принципы профессионального отношения к делу. Чаянов отмечал, что эта основа основ культуры традиционно в нашей стране является вопиющим недостатком, и здесь Чаянов щепетилен вплоть до самокритики: “...приблизительное знание и умение всегда было одним из наших национальных пороков. Сужу по себе и по работе своих ближайших товарищей, как ослабляла нашу работу эта приблизительность” [там же, с. 374]. Вот здесь-то тьюторы и ассистенты обязаны передать начинающим собственные профессиональные навыки, как-то: научить студентов читать и понимать читаемое, “...путем организации совместного чтения, а затем совместного обсуждения индивидуально прочитанного и разбора конспектов”, — далее, “должны быть организованы занятия для формирования профессиональной научной методики... от сгибания стеклянных трубок до составления таблиц” [там же], при этом лишь многократное проделывание разных работ принесет стабильный, положительный результат. Чаянов с иронией, но серьезно предупреждал российского учащегося о важности преодоления нашей национальной слабости “и так сойдет”:

“Часто российские студенты, покопавшись немного в лаборатории или над бухгалтерскими книгами, считают свои звания оконченными, так как они, мол, поняли демонстрируемые методы.”

Нет, уважаемые товарищи, здесь не понимать надо, а руку набить, приобрести навыки.

Если бы сапожный подмастерье, приколовтив наискось каблук, отложил бы работу и сказал, что он понял, как каблуки приколачивают, то, несомненно, что обучающий его мастер здорово треснул бы его по затылку.

А ведь профессиональное образование ученого не хуже профессионального образования сапожника; по крайней мере,

не должно быть хуже. В нем также должно быть мастерство, нечто от искусства” [там же, с. 375].

Особый род научного профессионализма — умение “излагать, обсуждать, полемизировать и аргументировать”. Для достижения этой цели Чаянов предлагал широкое проведение протосеминаров под руководством тьюторов и ассистентов, где основная работа всех учащихся и учителей должна заключаться в организации обыкновенного спора, диалога по элементарным, а, следовательно, основополагающим вопросам науки.

Демократия храма науки

Но не только профессионализмом благороден настоящий интеллигент, но также и нравственным научным кругозором. И вот здесь на формирование юного питомца науки должны оказать свое великое воздействие жрецы прометеяева огня — выдающиеся ученые. Вводные курсы лекций первокурсных ученых, являющихся в то же время первокурсными ораторами, “должны раскрыть перед первокурсниками грандиозную картину человеческого знания, познакомить с жизнью науки, тяжким мучительным процессом ее созидания, с праздниками творческого вдохновения, с этикой науки” [там же, с. 377].

Все эти первые, подготовительные ступени Высшей школы должны вести к главному — миру свободного творческого общения жильцов высшей школы. Речь здесь идет о способности, возможности личного, частного общения с творцами науки, ибо “...профессор отнюдь не должен возноситься на недоступный Олимп кафедры” [там же, с. 378]. Здесь для Чаянова образцом созидания отношений между учителем и учеником был Алексей Федорович Фортунатов¹, который в своей научно-педагогической деятельности успешно возвел в основополагающий принцип способность в свободном интеллектуальном общении достигнуть новых горизонтов науки. Этот принцип чрезвычайно важен неформального круга известных ученых: “...Придавая огромное значение всякого сюда ученым съездам и совещаниям, — писал Чаянов, — Алексей Федорович Фортунатов любил указывать: из всего того, что на этих съездах происходит, самое малое значение имеют те решения и резолюции, ради которых указанные съезды собираются. Сравнительно большее значение имеют доклады, еще большее — прения по докладам, но самое ценное, что эти съезды дают, заключается в личных встречах, разговорах к знакомствах участников съезда” [там же, с. 378]. То же верно и для общения Учителя с учеником, Чаянов с благодарностью к своему учителю вспоминает значение фортунатовского мира общения: “Петровцы знают, чем были для них фортунатовские пятницы и воскресенья, и, не даром Алексей Федорович вагоны петровско-разумовского паровичка причисляет к разряду своих аудиторий.

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чаянова

¹ Алексей Фёдорович Фортунатов (1856–1925) — русский агроном и статистик.

СУДЬБА

Студенты только тогда могут вполне почувствовать, что они составляют высшую школу, когда они смогут почувствовать, что они хотя бы отчасти живут со своими учителями вместе” [там же, с. 379].

Этот момент высшей школы, безусловно, является самым дорогим и плодотворным для всех ее участников.

Утопия храма науки

В этой связи Чайанов и в шутку и всерьез мечтал о реализации идеи закрытых школ, монастырей — замкнутых общин мастеров науки и учеников. В его утопической крестьянской России несколько десятков школ-монастырей высшей школы вносят существенный вклад в научное и культурное развитие страны, преимущество ее интеллекта и нравственности. Так, подмосковное Архангельское “...принадлежало “Братству святого Флора и Лавра”, своеобразному светскому монастырю, братья коего вербовались среди талантливых юношей и девушек, выдвинувшихся в искусствах и науках.

В анфиладе комнат старого дворца в липовых аллеях парка, освещенных былыми посещениями Пушкина и блистательной, галантной жизнью Бориса Николаевича Юсупова..., — шумела юная толпа посетителей Прометеева огня творчества, делившая труды с радостями жизни.

Братство владело двумя десятками огромных и чудесных имений, разбросанных по России и Азии, снабженных библиотеками, лабораториями, картинными галереями, и, насколько можно было понять, являлось одной из наиболее мощных творческих сил страны” [13, с. 204—205].

Теперь мы знаем, что мечты Чайанова нашли определенное воплощение в науке и культуре XX века. И в наше время академические и университетские городки во многих странах мира стремятся явиться лабораториями — хранителями и рассадниками интеллектуального созидания. Не случайно уже Герман Гессе посвятил идее школы-монастыря человеческого духа свой волшебный роман “Игра в бисер”.

Но Чайанов никогда не был только чистым эстетом академической школы, он полагал, что в реальности”... дух, психология лабораторной корпорации — заключительное звено высшего образования — не многим может быть дано” [15, с. 377], и это, в конечном счете, не главное, — ведь немногие и могут быть учеными! Главное же заключается в том, что все ученики высшей школы должны стать гражданами своей страны, то есть постичь познания мировой культуры, овладеть профессиональными навыками, воспитать в себе нравственный закон. В реальной жизни России питомцы высшей школы, в массе своей прибывшие из провинции, после пяти лет учебы уходят в жизнь, часто снова в провинциальную глушь, тая в себе тот Прометеев огонь, который неугасимо

пылает в храме науки, — огонь культуры и мастерства, но как осветить и обогреть им было миллионы крестьянских семей родины?

Этой великой задаче Чайанов, конечно, отдал времени и сил несравненно больше, чем всем своим литературно-публицистическим этюдам на школьно-монастырские темы.

Лекторы-агрономы как миссионеры народного просвещения

Главной задачей народного просвещения начала XX века в России Чайанов полагал пробуждение в крестьянстве через тысячи бесед, лекций, сотни крестьянских курсов, народные дома, библиотеки, собрания кооперативов, деревенский театр, остальные элементы культуры, — пробуждение социальной энергии, то есть творческого труда крестьянства.

А главным оружием агронома-просветителя в пробуждении крестьянской творческой энергии является слово, живая речь, беседа...

Именно поэтому Чайанов специально останавливался на вопросах педагогических методов лектора в народной аудитории: «Нам могут возразить, что работа лектора относится к области искусства и никакая наука не может сделать из человека хорошего лектора.

Мы согласны с этим, но все же решимся утверждать, что если наука не может сделать из человека лектора, то она может помочь ему сделаться лектором.

Если у него имеются данные стать педагогом, то познание организованного опыта человечества в этой области, несомненно, значительно облегчит его работу».

В этой любопытной цитате заключается важная характеристика соотношения науки и искусства в чайановском мировоззрении. Он часто подчеркивал примат чутья, импровизация, инстинкта художника в труде крестьянина и ученого, но ведь важен и обратный процесс — расчет и систематизация приемов в искусстве мастера, а расчет и систематизация — дело науки.

Чаянов отмечал необходимость охвата четырех основных абстрактных элементов в выступлении лектора перед народной аудиторией.

1. Расширить умственный горизонт слушателей и ввести в него новые представления.
2. Создать в уме слушателей ряд новых понятий и организовать весь накопленный ими опыт.
3. Поставить перед слушателем ряд вопросов,
4. Дать эмоциональный толчок и тем пробудить их самостоятельность.

Но все это абстрактные элементы абстрактной лекции. В конкретной ситуации наш лектор-агроном и перед ним

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чайанова

СУДЬБА

взрослые, полуграмотные, а то и совсем необразованные люди — крестьяне. Весьма специфическая аудитория. “Психологический облик сорокалетнего крестьянина Тульской или Ярославской губернии, как объекта педагогического воздействия, значительно отличается от семилетнего американского школяра, и, несомненно, что педагогические проблемы, удачно примененные к последнему, не гарантируют нам успеха в применении к первому” [там же, с. 96]. Поэтому на специфике “педагогического материала” Чайнов останавливался особо.

Понимая крестьянское мировоззрение

Тип крестьянского мышления носит сугубо эмпирический характер — “закат красный, значит, завтра будет ветер”, “пришел Юрьев день, значит надо выгонять скот”. В сознании крестьянина два эмпирических представления связаны в постоянную зависимость, часто логически абсолютно необъяснимую, а исторически уходящую в непознаваемые времена, — “У нас считают, что пахать на Святой грешно”, — вот так. Мировоззрение многовековой крестьянской жизни — система традиционных житейских навыков — разъединенных утверждений, представляет собой негибкую механику с точки зрения логического рассудка. А как быть с рядом понятий и представлений, — задавал вопрос Чайнов: “...резко противоречащих современной науке и этике. К ним, например, относится известное представление о колеснице Ильи Пророка, порождающей грома небесные” [там же, с. 98].

Чайнов рекомендовал относиться осторожно, с максимальным возможным тактом к системе мышления великовозрастных слушателей агрономической школы. Во-первых, опровергая один нелепый аргумент, агроном-преподаватель рискует получить связку еще более запутанных народных утверждений, для ответа на которые уже от самого лектора потребуются обширные точные познания, которых у него может и не быть. А во-вторых, признавался простодушный романтик Чайнов: “... для нас лично еще не ясен ответ на прямолинейно поставленный вопрос: “или рядовая сеялка, или колесница Ильи Пророка” грохочущая по грозovým тучам?” [там же, с. 99]. Конечно, данное смущение ученого не следует понимать как затруднение перед суеверием. Тут другое. Здесь опять возникает чайновское стремление к органическому, не грубому шагу эволюции: “Задачей русского возрождения является передача крестьянству современного научного мировоззрения без ломки его векового эпоса (выделено авт. — А.Н.). В практическом мире колесница Ильи Пророка должна уступать место электрическому разряду; но, покинув практическую жизнь, она должна превратиться в легенду, занимающую почетное место в крестьянском быту” [там же, с. 99–100].

Постигая крестьянскую аудиторию

Так все же, как конкретно воздействовать лектору на мировоззрение аудитории? Чайнов рекомендует проникновение в крестьянское сознание по нескольким последовательным направлениям.

Во-первых, следует определить в аудитории уже имеющиеся элементы знаний, на которых возможно строить дальнейшее изложение материала.

Крестьянин похож на студента с точностью до наоборот. В студенческой аудитории полно общих, отвлеченных идей, но отсутствует практический опыт. В крестьянстве — обилие представлений практической жизни, но беда с отвлеченными понятиями. Лекция в виде ряда симпозиумов, опирающихся на общие положения, естественна для студентов, но бесполезна для крестьян. Наоборот, разбор конкретных примеров с последующим индуктивным подходом к доказываемому общему положению — верный путь к пониманию в крестьянской среде.

Далее, необходимо обратить внимание на состав аудитории. Как правило, она состоит и из старых крестьян, “заматерелых в быту трехполья”, учеников земской школы и бывалых в городах промышленников: “людей грамотных и безграмотных, читающих ежедневно газеты и никогда не читающих ни одной печатной строчки и проч.” [там же, с. 101]. В такой непростой ситуации Чайнов рекомендует постараться выделить некоторый тип “среднего слушателя” и в расчете, прежде всего, на него вести объяснение в аудитории. Еще лучше, если возможно, рассортировать слушателей по степени их подготовленности и заниматься отдельно с каждой группой.

Отрицавший универсальные рецепты в сфере экономики, и в педагогике Чайнов придерживается аналогичного отрицания. Но различные элементы рецептов он знает в совершенстве и предлагает составить из них собственную комбинацию каждому лектору-агроному.

Неформальное движение по формальным ступеням

Так, первый, наиболее испытанный и надежный метод в общении с крестьянской аудиторией, метод “формальных ступеней преподавания”, обоснованный еще классиком педагогической науки немецким ученым И.Ф. Гербартом (1776–1841) [2]. Схема лекции по Гербарту распадается на пять ступеней.

1) Подготовка; 2) Изложение; 3) Сравнение; 4) Обобщение; 5) Приложение.

Чайнов подчеркивал, как преимущество использования данного метода среди крестьян — его индуктивный характер.

От приготовления аудитории на известных примерах, к изложению и сравнению, с введением новых понятий, далее к обобщению

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чайнова

СУДЬБА

нию — оптимуму лекции, с последующими необходимыми разьяснениями в приложении.

Второй, противоположный системе Гербарта метод, — чисто дедуктивный. Если, отмечал Чайанов, мы читаем курс кооперация по Гербарту, то в начале лекции мы излагаем всем известные нужды крестьянского хозяйства, затем сравниваем различные способы их удовлетворения, обобщаем данное удовлетворение в объяснении принципа работы кооперативного предприятия с необходимыми примечаниями. По дедуктивному методу в начале лекции мы выдвигаем некоторое отвлеченное положение, например, “солидарность”, “сотрудничество” как важнейшая основа человеческого общества, а далее показываем, что эти отвлеченные идеи и в крестьянском хозяйстве имеют место, особо наглядно проявляясь в работе кооперативных форм сельских предприятий. Все же, полагал Чайанов, индуктивный метод предпочтительней дедуктивного. Крестьяне — не студенты: абстрактные основания лекций для них непривычны.

Следующий метод — способ исторического изложения предметов, то есть способ, при котором содержание изучаемого предмета излагается как описание истории предмета. Чайанов отмечал, что этот метод имеет большое познавательное значение, с интересом усваивается слушателями и курс кооперации можно читать, начиная с рочдельских пионеров времен Роберта Оуэна, с последующим развитием тем исторического развития международного кооперативного движения. Но к недостаткам исторического метода относится его малое внимание к конкретным нуждам в кооперации именно данной деревни, где читается лекция, а кроме того, исторический метод сильно отличен от логического изложения, а основы логики прививать крестьянам надо.

Четвертый метод — метод отрицания. (В не есть А, но также и не С и т.д.). Применительно к курсу кооперации его использование сводится к следующему объяснению. “Отличие кооператива от принудительных союзов государства и местного самоуправления. Отличие кооператива, как союза, в котором каждый член сохраняет хозяйственную индивидуальность, от коммунистической общины. Отличие кооператива от других, свободно организуемых хозяйственных союзов, как-то: товарищества на паях, акционерной компании и т.д.” [11, с. 108].

Здесь нужные понятия образуются от отбора и расчленения других понятий, это весьма наглядно, но при невнятности метода, рассеянности аудитории могут появиться противоположные итоги “... из положения “В не есть А” частица “не” выпадает и положение переходит в память как “В есть А”” [там же, с. 109].

Наконец, последний, особый метод, самый простой и надежный — догматический метод. Метод механического внедрения понятий и идей в головы слушателей. “Прямое утвержде-

ние, высказанное с достаточной убежденностью и многократно повторенное, часто достигает большего результата, чем сложная система доводов и доказательств” [там, с. 110]. При этом Чаянов ссылается на поговорку самого Наполеона “повторение есть наилучшее доказательство”. Чаянов констатировал, что народная аудитория легко поддается на подобные методы обучения. И ведь именно на этом методе основана вся сила демагогических трюков и кратких политических лозунгов. Чаянов, между прочим, призывал не стесняться почаще использовать и это столь мощное педагогическое оружие, внедряя азы кооперации подобным пропагандистским способом.

Какой же из пяти разнообразных методов наилучший? Так же, как в экономике, сочетание разнообразных институциональных форм дает, как правило, лучший результат, так и в педагогике умение скомбинировать все вышеуказанные методы в одну оптимальную систему приведет к максимальному педагогическому эффекту.

Концентрический метод и гармоническая мера

Так же как есть вертикальная интеграция трудовых усилий в сельском хозяйстве, так есть концентрический метод преподавания в педагогике, синтезирующий отдельные методы.

И сам Чаянов разработал и применял именно этот метод еще в 1913 году на старообрядческих сельскохозяйственных курсах при Рогожском кладбище. Вот как составляется его курс кооперации из трех концентров (конструкт, предложенный А.В. Чаяновым. — *Авт.*) различных методов (кооперация методов!)

I концентр. Общее изложение основ кооперации по индуктивному методу.

II концентр. Более подробное изложение основных принципов кооперативного движения по историческому методу.

III концентр. Детальное описание организационных форм различных видов кооперации по дедуктивному методу изложения.

“Наиболее важным моментом в построении курса по концентрическому методу является необходимость давать в каждом центре иное освещение и иную группировку материалу...” [там же, с. 111]. Так и в педагогике экономист Чаянов стремился достичь высшего искусства системного подхода — выявление многомерности изучаемой системы через кооперацию самих научных методов.

Но одними методами логики изложения предмета искусство лектора не ограничивается. Чаянов разрабатывал также систему инсценировки лекции, в которой должны сочетаться цитаты, аналогии, картины, таблицы, плакаты, листовки, афиши...

И главное, в самой организации лекции должно быть еще одно непереносимое сочетание (ума и сердца): “Не только к уму своих слушателей, но и к сердцу их должен взывать лектор на-

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чаянова

СУДЬБА

родной аудитории... Призывая своими словами к действию, доказывая его необходимость и полезность, он должен довести до своей аудитории ту мощную социальную энергию, которая при-суша кооперативному движению, должен забросить в душу своих слушателей искры великого пламени творческой, социальной активности, которым богато возрождение русской деревни” [там же, с. 112].

Но и здесь Чаянов предупреждал о соразмерности: «Всегда следует иметь чувство меры и избегать излишнего пафоса и крикливости» [там, с. 113]. Кроме того, нужна мера и в тщательности подготовки к занятию: “... лекторам, владеющим речью, мы бы рекомендовали не доводить подготовку до конца, до составления текста лекции, а заканчивать ее в общих чертах и предоставить остальное творчеству в момент произнесения самой лекции. Получаемые при этом шероховатости с лихвою покрываются свежестью и яркостью непосредственного творчества” [там же].

Романтизм и реализм педагога Чаянова

Насколько наследие педагога Чаянова является востребованным спустя почти сто лет в наше время всеобщей массовой грамотности, находящейся под контролем прагматически ориентированного, шумно разрекламированного бизнес-креативно-бюрократично ориентированного университетского образования по образцу глобально интеллектуального мега-маркета!? Не осталось ли классическая и сентиментальная образователь-но-исследовательская модель храма науки Чаянова в милом и наивном прошлом земско-советских мечтаний о гуманистически бескорыстном совершенствовании лучших сторон всех страт человеческой природы?

Многое и стремительно меняется в науке, образовании, жизни нашего времени. Тем не менее, совершенствование естественной человеческой любознательности, передача знания от более опытного к менее опытному исследователю, формирование широты кругозора, дисциплинирование исследовательского мышления, наконец, искусство интеллектуального открытия, — остаются извечными доминантами человеческого познания, теми самыми искрами Прометея огня, сохранению и приумножению которых столько сил, таланта, изобретательности посвятил Александр Васильевич Чаянов.

Особенно было бы полезным современное переоткрытие научно-педагогических работ А.В. Чаянова и их новая жизнь именно в аграрной сфере. Не секрет, современные сельскохозяйственные вузы России давно утратили свое интеллектуальное мировое лидерство, характерное для них в начале XX века, и теперь нуждаются в значительной реорганизации [3], учитывая и собственное славное, но позабытое педагогическое наследие. Кроме того, конечно, ушли в прошлое чаяновские

институты земской и советской агрономии, консультировавшие крестьян, но ведь в значительной степени на смену им в современной России создана сеть консультационных сельскохозяйственных центров, работающих с семейными фермерскими и личными подсобными хозяйствами [6].

Этим новым образовательным институтам, также сейчас испытывающим многочисленные трудности своего становления и развития, безусловно, будет полезен громадный аналитический опыт педагогическо-исследовательских ошибок, открытий, достижений организационно-производственной школы Чайнова.

Литература

1. *Блонский П. П.* Психология и педагогика. Избранные труды. М.: «Юрайт», 2016.
2. *Герbart И.Ф.* Психология / Предисловие В. Куренного. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.
3. *Козлов В.В.* Роль и место университетов в социально-экономическом развитии России // Проблемы современной экономики. 2015. № 2(54). С. 337-342.
4. *Кузнецов И.А.* Очерки истории сельскохозяйственной экономики в России: XIX — начало XX века. М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2018.
5. *Никулин А.М.* аянова // . 2017. Т. 12. . С. 150–177.
6. Отчет об оказании консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям и сельскому населению в Российской Федерации в 2014 году / Министерство сельского хозяйства РФ, «Федеральный центр сельскохозяйственного консультирования и переподготовки кадров агропромышленного комплекса». М., 2014.
7. *Чаянов А.В.* Крестьянские кооперативно-счетоводные курсы // Кооперативная жизнь. 1914, № 23. С. 409–414.
8. *Чаянов А.В.* Методы изложения предметов. М., 1916.
9. *Чаянов А.В.* Требования жизни и заветы шанявцев: (О судьбе ун-та им. Шанявского) // Вестн. шанявцев. 1918. № 5. С. 5.
10. *Чаянов А.В.* Высший семинарий сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской сельскохозяйственной Академии // Вестн. сел. хоз-ва. 1919. № 27–30. С. 19–22.
11. *Чаянов А.В.* Основные идеи и метода работы общественной агрономии / Чайнов А.В. Избранные произведения. М.: 1989. С. 57–181.
12. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика», 1989.
13. *Чаянов А.В.* Венецианское зеркало. Повести. М., 1989.
14. *Чаянов А.В.* Избранные труды. М.; 1991. С.367–370.
15. *Чаянов А.В.* Методы высшего образования / Чайнов А.В. Избранные труды. М., 1991. С. 354–379.
16. *Чаянов А.В.* Избранное искусствоведческое наследие. М.: Издательский дом ТОНЧУ, 2018.

А. Никулин
Неакадемическая
педагогика
А.В. Чайнова